

УДК 330.101

В. Е. МАНДЫБУРА,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической теории,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

ИДЕОЛОГЕМНЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА КОНЦЕПТУАЛЬНО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО «РАЗВИТИЯ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

1. Базовые положения обеспечения объективности научных исследований и функции экономической науки

Поиск наукой истины [*] состоит в объяснении сущностного содержания предметов, явлений, процессов, взаимодействий и отношений, которые происходят в материальном мире, который представлен четырьмя естественными формами движения материи (механической, физической, химической, биологической), а также ее особой, социальной формой. Этот поиск одновременно является и процессом и результатом адекватного отображения объективной реальности субъектами познания независимо от их сознания и фиксации полученных достоверных результатов в объективных по смыслу теориях и их концептуальных элементах.

Ведущая роль в этом процессе принадлежит методологии научного поиска, т.е. познавательному механизму науки, что является собой концептуальное учение о применении исследователями научных методов (способов, подходов), и соответствующего инструментария в процессе познания объективной реальности материального мира.

Достижение объективности результатов научного поиска можно обеспечить реализацией следующих исходных базовых положений:

во-первых, поскольку «монополию на истину имеет лишь сама объективная истина», а исследователи могут к ней лишь приближаться, постигать, научно осмысливать, то основным критерием истинности

результатов познания является неопровержимое их подтверждение практикой реального материального бытия;

во-вторых, приближение к постижению объективной истины возможно лишь в процессе не предвзятых научных дискуссий, т.е. в теоретических полемиках исследователей, прежде всего, при обеспечении условий, когда позиции оппонентов рассматриваются всесторонне с максимально полной аргументацией;

в-третьих, необходимо обеспечить понятийную чистоту в определении сущностного содержания категориального аппарата (т.е. обобщающих научных понятий, которые наиболее полно и всесторонне раскрывают те или иные стороны предмета, процесса, явления или отношения). В случае же нечеткости и «множественно-плюралистической» размытости категориального аппарата в любой науке невозможно качественное углубление познания истины. Невозможной также становится и научная дискуссия, поскольку стороны полемики не имеют четких понятийных ориентиров и представлений о чем конкретно идет речь.

Хотя научный прогресс невозможно остановить, однако история развития науки свидетельствует, что его можно либо насильственно задержать, либо существенно затормозить путем фальсификации в определенные периоды его результатов. Прежде всего, это происходит вследствие влияния на конкретную науку отрицательных внутренних и внешних факторов.

К внутренним проблемам можно отнести «авторитетное» навязывание научному сообществу псевдонаучных или ошибочно-тупиковых взглядов.

Так история развития физики свидетельствует, что от «господствующих научных представлений» XIV ст. относительно сущности строения и передачи энергии в материальном веществе, в частности таких теоретических концепций как «флогистоны» и «теплород» в последствие не осталось и следа, не смотря на защиту по данной тематике значительного количества магистерских и докторских диссертаций. Не выдержала испытание временами и прогрессивная в свое время «корпускулярная» теория М. Ломоносова. Вместе с тем, все истинное, в научном развитии остается в качестве фундаментальных «кирпичиков и ступенек» способствующих в дальнейшем постижению человеческим интеллектуальным сознанием материального мира.

Например: теория относительности и современная квантовая термодинамики не опровергают три закона классической механики И. Ньютона, а построенная на другом исходном постулате геометрия Н. Лобачевского не перечеркивает достижения геометрии Евклида. Не считаясь с внешние притеснения инквизиции, вплоть до сожжения Д. Бруно силам мракобесия не удалось навечно навязать человечеству систему мироздания по Птолемею. Так

же, вопреки гонениям, вплоть до физического уничтожения научных работников деспотической властью в СССР в 40-50-х годах минувшего столетия не удалось уничтожить генетическую ветвь развития биологической науки и кибернетику.

Однако, приведенные примеры касается главным образом развития естественных наук, где реальная практика со временем неумолимо опровергает и отбрасывает все надуманное и фальшивое. Т.е. то, что не соответствует объективной реальности развития материального мира.

В науках же, которые исследуют социальную форму движения материи, в частности ее экономическую и социально-экономическую составляющую, процесс поиска объективной истины идет значительно сложнее, и противоречивее.

Одна из наибольших сложностей здесь возникает вследствие того, что социальная форма движения материи своей субстанцией познания имеет сложнейшую систему отношений, которые возникают между людьми, их ассоциациями и обществом в целом в процессе разнообразных проявлений жизнедеятельности социума. Эти отношения являются особой формой взаимодействия, которое исследователь не может воспринять органами чувств, данными ему биологической природой (зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом), как это происходит в процессе исследования естественно-природных форм, где широко используются специальная исследовательская измерительная аппаратура и сложные лабораторные комплексы.

Ни один из исследователей социальной формы движения материи не может увидеть или иным физиологическим способом воспринять сложную совокупность отношений, которые возникают между людьми в процессе реализации их интересов, даже с применением самых современных микроскопов или другого лабораторного оборудования. Только лишь сила научного, образно-абстрактного мышления и надежный методологический инструментарий общественных наук дают возможность познания, «постижения истинного знания, открытия тайн бытия социума» этой наиболее сложной сфере материального мира.

В основе возникновения экономических отношений лежат экономические интересы, носителями которых есть люди, наделенные сознанием и волей в стремлении их реализации. Именно интерес, прежде всего, экономическая выгода является тем мощным побудительным мотивом деятельности, как человека, так и людских ассоциаций в сфере экономической жизни общества. К тому же сама системная совокупность экономических отношений диалектически развиваются на основе противоречивого, а порой и

антагонистически конфликтного характера взаимодействия человеческих интересов.

Общие интересы объединяют отдельных индивидов в социальные ассоциации (партнерские или анти социальные группы, корпоративные кланы, социальные слои, общественные страты и классы). Реальная мотивация действий отдельных индивидов и человеческих ассоциаций базируется на стремлении достижения определенных жизненных благ, с целью удовлетворения широкого спектра объективных потребностей (а также аномально- деструктивных и патологических желаний). Именно вследствие наявности этих причин, для обеспечения научной объективности поиска истины в сфере исследования социальной формы движения материи, изложенные ранее три базовых положения, должны быть дополнены следующими двумя:

в-четвертых, в социальной сфере, в зависимости от существующих единичных (частных), особых (ассоциированных), или общих (общественных) интересов, а также исходя из моральной позиции исследователя (его научной порядочности, или наоборот) к истине можно либо «докопаться», или открыть, познать, постигнуть, и, наоборот, ее можно «закопать», т.е. сознательно исказить, «не замечать» ее объективного содержания или, вообще, очернить и сфальсифицировать;

в-пятых, если в социально-экономической сфере процессы происходят именно так как происходят, то добросовестный исследователь не имеет ни научного ни морального права лишь констатировать сам факт, аналогично содержанию «крылатого» выражения известного отечественного политика и «политэконома» – «имеем то, что имеем». Исходя из научных позиций исследователь-политэконом должен дать ответ на следующие вопросы: в чьих интересах «произошло, так как произошло»? кому выгодно, «чтобы происходило именно так как происходит»? кто конкретно, какие именно субъекты социально-экономических отношений (индивиды, группы, кланы, слои и общественные классы) заинтересованы в том, чтобы в общество «происходило то, что происходит», а само общество «имело то что оно имеет»?

Как и в исследованиях естественных наук, так и в сфере исследований социальной формы движения материи *познавательная функция* есть и остается внутренним мощным генератором развития научного знания.

Вместе с тем, с точки зрения общества (поскольку удельный вес научный работников незначительным в составе населения) существование науки подчиняется обязательному выполнению еще двух «внешних» функций, которые связаны с выполнением определенного социального заказа:

первая, прогностическая, практически прикладная;

вторая, идеологическая, которая существует в форме социального заказа определенного класса или господствующей в государстве общественной группы, исходя из их социально-экономических интересов.

Прогностическую функцию обуславливает само существование науки (в т.ч. экономической), т.е. это есть то имманентное свойство, которое отличает ее от «голой», ничем неприкрытой идеологии. Ведь защищать классовые, или особые кланово-групповые, корпоративные интересы можно и на уровне эмоций, без какого либо обращения к научным (или наукообразным) аргументам. В этом случае «потребитель», выступающий «заказчиком теоретически обоснованных экономических идеологем и мифов» всегда ожидает от нее не только оправдание или возражении относительно определенного существующего порядка вещей (в чем и заключается суть классовой идеологической функции политической экономии), а, прежде всего, требует обоснованного прогноза своей дальнейшей практической деятельности.

Именно социально-классовый заказчик, который в своих интересах использует экономическую теорию, четко определяет и самые рамки прогноза.

Первое, это может быть краткосрочный прогноз для локального рынка (микроэкономическая теория А. Маршалла и в дальнейшем представителей его школы).

Второе, среднесрочный прогноз для ряда отраслей национального хозяйства, или даже для экономики страны в целом (теория циклов и макроэкономическая теория Дж. Кейнса).

Третье, довольно долгосрочный (на десятилетия), прогноз, но такой, который ограничен чисто технико-технологическими и технико-экономическими параметрами и аналогичными характеристиками. При этом его важный признак состоит в том, что этот прогноз реализуется путем использования константных социально-экономических показателей, т.е. допускается сохранение в неизменном виде базисных (производственно-экономических и политико-экономических) отношений существующего способа производства.

Примером может служить «технологическая» ветвь современной футурологии, к которой относится теория технологических волн Кондратьева, и теоретические выкладки циклов Леонтьева.

Четвертое, можно выделить так называемый «глобальный прогноз», что должен ответить на вопрос относительно стратегических перспектив существования социально-экономического способа производства и всей общественно-экономической формации. Этот прогноз должен дать представление относительно вероятных, в случае его отрицания, новых форм социально-экономических отношений.

Глобальный прогноз, как правило, интересуется тот общественный класс, которому на определенном этапе исторического развития становится «тесно» в пределах существующего общественно-экономического порядка, т.е. класс, который заинтересован в частичном, или полном демонтаже существующего строя.

Такой прогноз для класса буржуазии (включая как владельцев капитала, так и мелких собственников-товаропроизводителей) в наиболее полной форме дал А. Смит, а для класса наемных работников (пролетариата) - К. Маркс.

Относительно реализации *второй* внешней функции, то на сегодня общественной и, в частности, экономической наукой фактически не исследуется блок проблемных вопросов, которые связаны с тем, каким образом господствующая идеология (в т.ч. экономическая [**]) влияет на научную объективность результатов теоретических исследований. По этому поводу еще в 1867 г. Карл Маркс, в предисловии к первому изданию «Капитала» отмечал: «В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души - фурии частного интереса» [1, с 10]. И далее, в послесловии ко второму изданию: «Бескорыстное исследование уступает место сражениям нанимаемых писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [1, с 17].

2. Основные проявления реализации апологетико-идеологических заказов экономической наукой.

Ретроспективная оценка последствий выше названного влияния позволяет сделать вывод, о том, что по своему смысловому наполнению проявления идеологического заказа в социально-экономической науке относительно желательных для власти и тех властно-господствующих социально-классовых группировок, интересы которых реализует государственная власть. Эти последствия, можно разделить на три наиболее характерные их проявления.

Первое проявление идеологического заказа состоит в том, что экономическая наука и, прежде всего, политэкономия получают задание (или непосредственное, или завуалировано-конъюнктурное) «исследовать и раскрывать содержание» тех явлений, процессов, закономерностей и отношений, «которых в реальной социально-экономической жизни общества фактически не существует». Т.е. таких, которые могут быть

структурированы и обоснованы лишь идеально, с позиций формальной метафизической логики, именно поэтому их «научное» изложение носит преимущественно схоластический и социально демагогический характер.

Навязывание заказных идеологем в виде наукообразных мифов является наиболее распространенной формой первого проявления социально-классового заказа. Если настоящая наука все ставит под сомнение, критически проверяет каждое из утверждений, то вера не допускает возникновению любых сомнений, относительно религиозных догматов. В вульгарной политической экономии наукообразные мифы являются чем-то промежуточным между наукой и верой, смесью достоверных фактов и вымысла, утонченной, или примитивной выдумки. Создатели наукообразных мифов, как правило, люди не бесталанные. Поэтому способны создавать наукообразные мифы, которые не только очень привлекательны, но могут быть чрезвычайно живучими в массовом сознании.

Например, важнейшим идеологическим мифом советской политической экономии, который считалась «теоретическим достижением» политэкономии социализма, было обоснование существования «свободного, ассоциированного труженика, совладельца общественных средств производства, труд которого на планомерных началах (т.е. на вне рыночных отношениях) непосредственно получал общественное признание, а его рабочая сила не носила характера товара».

В реальной жизни, этого «свободного субъекта» социалистических производственных отношений по закону 1939 года можно было привлечь к криминальной ответственности только лишь за нарушение режима работы, который состоял в опоздании на работу или отсутствии на рабочем месте более 15 минут. Не удивительно, что этот «сохозяин общенародной, социалистической собственности», с неожиданной эйфорией, согласился на «приватизацию» собственности, которая, в соответствии с существующей идеологемой и реально действующей Конституцией СССР, ему же и принадлежала. Именно этот «совладелец» без всякого сопротивления отдал «свою собственность» на заклятие денационализации, прямоком в руки номенклатурных и криминальных «активистов», которые в дальнейшем стали тем «народом», которому была отдана собственность народа, а именно, новыми «олигархами» в аномально отреставрированной системе капиталистических производственных отношений.

В качестве примера буржуазного идеологического мифа, который за последние три десятилетия «успешно воспет» и отечественным научным сообществом, можно выделить «теорию человеческого капитала». Эта теоретическая концепция является образцом мифотворчества в экономической науке.

Хотя на сегодня в научном сообществе и имеет хождение более двух десятков определений категории «капитал», однако, его политико-экономическая сущностью была и неоспоримо продолжает оставаться базисным отношением частной собственности, которая в конкретной системе капиталистического способа производства, способна приносить его владельцу (владельцам) прибавочную стоимость (прибыль), которая не является результатом его (их) личного труда, а есть порождение эксплуатации и неэквивалентного отчуждения результатов наемного труда.

Целью создания заказного идеологического мифа является доказать существование гармонии интересов на основе существования в системе экономических отношений двух видов капитала – «человеческого» и «нечеловеческого» (физического, естественного, материального, финансового, реального, фиктивного). По мнению авторов, это дает возможность их владельцам-капиталистам получать доходы, и обеспечивать рыночное взаимодействие на началах равноправного партнерства. При этом, ни о какой эксплуатации и отчуждении труда капиталом речи вообще не может вестись.

Основа фальсификации состоит в отождествлении и дальнейшей подмене классического содержания категорий «рабочая сила», категорией «человеческий капитал». При этом адепты теории «человеческого капитала» не пытаются аргументировано опровергнуть теоретико-методологические подходы определения содержания категории «рабочая сила», обоснованные К. Марксом в «Капитале», как «универсальную» для капиталистического способа производства. «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми наделен организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.... Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности». [1, с 178] При этом не имеет значения, ее носителем является наемный работник малоквалифицированного или высококвалифицированного, простого или сложного, физического или умственного труда.

По мнению сторонников «теории» одно из его распространенных определений: «Человеческий капитал – капитал в форме умственных способностей, которые приобретаются вследствие...формального обучения, образования, или на основе практического опыта». [2, с 256, 445] В чем тут отличие от понимания сущности «умственного человеческого потенциала», который является интеллектуальной составляющей категории «рабочая (трудова) сила»?

Если попробовать согласиться с подменой сущностного содержания категории «рабочая сила» на категорию «человеческий капитал», а субъекта-владельца этого капитала считать не реальным, а «человеческим капиталистом», то следует обратить внимание на наличие трех характерных особенностей потребительской стоимости товара «человеческий капитал».

Первая особенность, состоит в том, что «человеческий капитал» невозможно сохранять про запас, поскольку без постоянной реализации в трудовом процессе конкретных знаний, умений, трудовых навыков и производственного опыта происходит их утрата (т.е. дисквалификация). И чем выше качественный, интеллектуальный уровень этого «капитала», тем большими являются его потери, которые, наиболее ощутимы в условиях вынужденной и длительной безработицы.

Вторая особенность, состоит в том, что «человеческого капитал» должен постоянно продаваться (ежесуточно, еженедельно, ежемесячно и ежегодно), иначе владелец этого «капитала» и члены его семьи просто погибнут от голода и холода, не имея других источников существования.

Третья особенность, «человеческий капиталист» всегда авансирует владельца «не человеческого капитала», т.е. он предоставляет в своеобразный беспроцентный кредит свой «человеческий капитал» – тот единственный товар, который принадлежит ему на правах частной собственности, поскольку он делегирует право его использования в процессе производства раньше, чем «реальный капиталист» уплатит за него рыночную цену.

При этом, какого бы качественного уровня не был «человеческий капитал», существует ряд особенностей его реализации в процессе материального и нематериального производства в условиях капитализма:

1) нанимаемый «человеческий капиталист» работает под контролем «реального капиталиста» или лиц, которые им уполномочены для осуществления этой функции (менеджеров, мастеров, директоров, руководителей линейных производственных подразделений и т.п.). Он трудится по стандартам и нормативами труда и на условиях выполнения требований трудовой дисциплины, которые должны неукоснительно выполняться согласно условиям трудового контракта;

2) за «реальным капиталистом» остается правовая возможность отказа от акта покупки услуг «человеческого капитала» путем реализации «испытательного срока» на протяжении которого проверяются способности, профессиональное мастерство и добросовестность собственника «человеческого капитала»;

3) в процессе труда «человеческий капиталист» любого квалификационного уровня взаимодействует с «реальным капиталистом» на

условиях, по которыми продукты труда первого (в т.ч. и интеллектуального) подлежат отчуждению в пользу второго, т.е. результат количественной и качественной меры использования «человеческого капитала» обязательно переходят в частную собственность «реального капиталиста», собственника авансированного капитала;

4) «реальный капиталист» получает прибавочную стоимость, которая трансформируется в ее соответствующие формы (прибыль, процент, торговую прибыль, дивиденд, ренту и т.п.), в то же время стоимость авансированных средств в развитие «человеческого капитала» для его владельца не возрастает, поскольку он получает лишь такую величину стоимости, которая, в лучшем случае, соответствует расходам на его простое воспроизводство .

Сторонники теории «человеческого капитала», понимая уязвимость позиции относительно партнерского равенства двух групп капиталистов, как правило, сходятся на том, что неотделимость «человеческого капитала» от субъекта, который им владеет, т.е. «человеческого капиталиста» порождает ряд его функциональных особенностей.

Первая особенность, нулевая ликвидность «человеческого капитала» в сравнении с «физическим капиталом» (в частности финансовым). В отличие от владельца «физического капитала», который, в случае его не использования в производственной деятельности, может сдать его в аренду, под проценты, заложить для получения ссуды, или законсервировать, ликвидировать по остаточной стоимости, то владелец «человеческого капитала» не может его реализовать вне границ трудового процесса, т.е. интеллектуальные способности, знания или личные биофизические характеристики не имеют ликвидной рыночной стоимости.

Вторая особенность, не материальный, не отчуждаемый характер «человеческого капитала» предопределяет его временные ограничения, которые существуют только на текущий момент. Для «человеческого капитала», который не реализуется в трудовом процессе по специальности, стоимость образования, добытого раньше, и на текущий момент, которая не используется, относится к расходам нынешней деятельности владельца.

Третья особенность, не отчуждаемость «человеческого капитала» от его собственника предопределяет его двойственную природу. «Активы человеческого капитала» используются не только в производственной (экономической) деятельности, а и в повседневном быту, в жизни, т.е. за пределами рабочего времени. Поэтому инвестиции в формирование «человеческого капитала» неотделимы от расходов на потребление, которое свидетельствует о закономерной связи, которая существует между производством и потреблением.

Четвертая особенность, неотделимость «человеческого капитала» от человека-собственника, предопределяет необходимость включения в процесс формирования «человеческого капитала» не только сформированных в процессе воспитания способностей личности, а и врожденных, которые передаются через наследование умственных, интеллектуальных, психологических и других характеристик, т.е., его генетических качеств.

Можно добавить и *пятую* особенность, которая состоит в том, что вместе с физическим и моральным старением, присущим как элементам «основного» так и «человеческого капитала», последний имеет уникальное свойство, а именно, возможность «моральной деградации», которая возникает в случае, например, превращения высокообразованного интеллектуала в люмпена-маргинала. Только при этом возникает вопрос: куда девается «человеческий капитал» в случае, когда скажем бывший заведующий научной лабораторией, имеющий наивысшую научную степень и научное звание превращается в люмпена-алкоголика, а затем и бомжа, который в течении не более двух лет жизни на улице вообще исчезает из людского сообщества?

Конечно, «трудовой потенциал» человека не может формироваться без определенных ресурсных вложений, которые подлежат учету. [3]

Первый источник, формируется за счет собственных материальных ресурсов, которые на семейном уровне имеет в своем распоряжении владелец «рабочей силы». Он также делает в саморазвитие тот фундаментальный взнос, который определяется стоимостью расходов его личной «специфической работы», связанной с овладением новыми знаниями, умениями, навыками и дальнейшим накоплением трудового опыта.

Второй источник формируется за счет средств, которые инвестируются государством в здравоохранение, общее и профессиональное образование, культурное и морально-этическое развитие доведенных до уровня конкретного субъекта – носителя трудового потенциала.

Третий источник – инвестиции владельцев капитала, которые вкладываются в подготовку и переподготовку нанимаемых работников. Здесь речь может также идти о части расходов, которые направляются на общеобразовательную и профессиональную подготовку наемных работников, которая во все больших масштабах на сегодня владельцами реального капитала в странах развитой рыночной экономики перекладывается на государственный бюджет.

Второе проявление идеологического заказа состоит в том, что наука на определенные направления теоретических исследований получает своеобразное «табу». То есть «идет отмашка», политическая экономия не должна исследовать явления, процессы, закономерности и отношения, которые существуют в

реальной действительности, поскольку их объективный анализ не является удобным для властно-бюрократической элиты и тех господствующих общественных классов, от имени и в интересах которых действует антагонистическое государство.

Например, продолжительное время, в частности, в период острейшего противоборства двух мировых систем, который получил название «холодной войны», экономисты Запада по вполне понятным политическим причинам фактически перестали исследовать широкий спектр отношений, связанных с основными противоречиями капиталистического способа производства. В частности: противоречия, которые возникают между наемным трудом (в т.ч. и высочайшей квалификации) и капиталом (в т.ч. корпоративным); противоречия, которые существуют между общественным характером производства в условиях государственно-корпоративного капитализма и частнокапиталистическим способом распределения и присвоения его конечных результатов между членами общества и пр.

Так, например, с позиций конъюнктурной выгоды политэкономы остаются в стороне и от анализа ситуации, связанной с особенностями воспроизводства трудового потенциала в условиях, когда за последнее десятилетие даже в странах государственно-корпоративного капитализма, на «демократических» началах наблюдается активное и уже нескрываемое наступление капитала на гарантированные права представителей класса наемного труда.

Также не исследуются причины и последствия ограничения социальных гарантий, которые ранее имели работники наемного труда и малообеспеченные слои населения, поскольку в настоящее время это явление приобретает угрожающие масштабы. Сказанное наиболее ярко иллюстрируют следующие примеры.

Во-первых, сегодня в большинстве стран развитой (и не только) капиталистической экономики резко поднимается планка пенсионного возраста. Согласно принятому Бундестагом в марте 2007 года закона, в ФРГ наемные работники, родившиеся после 1962 г. получают право на пенсионное обеспечение при достижении ими 67 летнего возраста. При этом «важное достижение полового равенства» состоит в том, что указанное в полной мере касается и женской части трудящегося населения.

Во-вторых, увеличение пенсионного возраста сопровождается ликвидацией гарантий занятости для работников, которые достигли 40 летнего возраста и выше. Т.е. того возрастного ценза, когда конкурировать на рынке труда становится все сложнее, вследствие преждевременного износа трудового потенциала, который связан с жесткими условиями повышения интенсивности

труда путем не только «выжимание пота», а и «нервов и мозга». При этом сказанное осуществляется путем принятия новых трудовых кодексов (Испания, Италия, Франция и др.), что происходит, несмотря на многочисленные протесты и массовые манифестации трудящихся.

В-третьих, началось «наступление» капитала на законодательно установленную продолжительность рабочего дня и рабочей недели, поскольку, начиная с 1980-х годов, она составляла 38 часов в Германии и Бельгии, 37 – в Великобритании, а во Франции 35 часов. Так, например, во Франции в 2007 г. вопреки протестам профсоюзов, парламент разрешил работодателям удлинять рабочую неделю. На сегодня по данным МОТ свыше 50 часов в неделю работают в: Японии - 28,1% всех нанимаемых работников: Новой Зеландии - 21,3%: Австралии и США - 20,0%: в Великобритании более 15,5% работников наемного труда. Литва, которая считается реставрационным лидером среди стран бывшего СССР, уже законодательно закрепила 48 часовую обязательную еженедельную продолжительность наемного труда. За повышение продолжительности рабочей недели до 60 часов единым фронтом выступают Правительство и работодатели этой страны.

Нужно отметить, что Мировой банк в 2007 году озвучил стремление капитала установить 66-часовую рабочую неделю, как «желательную норму» для стран, которые надеются на инвестиции. И это происходит несмотря на то, что по медицинским данным при такой продолжительности рабочей недели иммунитет нанимаемых работников снижается приблизительно втрое, а резко возрастают сердечнососудистые заболевания, не говоря о нервно-психологической перегрузке, которая истощает организм, приводит к депрессиям и преждевременному физическому старению трудового потенциала нанимаемых работников.

Третье проявление идеологического заказа состоит в подмене объективного научного исследования явлений и отношений, отражающих диалектически сложные, противоречивые, а во многих случаях и конфликтные социально-экономические процессы, происходящие в реальной действительности на их математически-модельную формализацию и виртуализацию.

Не требует особых доказательств, что математический инструментарий в политэкономических исследованиях выполняет вспомогательную роль и, как правило, не может описать сложнейших глубинных, диалектически противоречивых социально-экономических процессов, явлений и отношения, а также адекватно отразить соответствующий им категориальный аппарат исследований. Поэтому, важнейшими элементами исследований здесь

выступает количественный анализ («экономическая арифметика») и репрезентативная экономическая статистика.

Наивысшая абстрактность математических методов позволяет их применять в самых разных областях науки, где возможна фиксация постоянных и переменных величин, прежде всего исследующих механическую и физическую форму движения материи. Но экономика - это неисчислимо количество переменных и неизвестных характеристик и параметров, которые отражают как частные, так и ассоциированные интересы людей, которые оптимально реализуются лишь при определенных необходимых и достаточных системных условиях, прежде всего, при достигнутом консенсусе, отражающем общественные, и, прежде всего, общенациональные интересы.

Методологическая база исследований, за последние десятилетия, под воздействием идеологической конъюнктуры все больше и больше насыщается математическим инструментарием, что, как свидетельствует реальная практика, таит угрозу потери связи с предметом исследования базисных производственных отношений и соответствующих им процессов и явлений экономического воспроизводства. Следует обратить внимание на тот факт, что в бывшем СССР в период апогея экономического «застоя» под эгидой Центрального экономико-математического института Академии наук СССР проводилась работа по созданию и практическому использованию так называемой теории и методологии «системы оптимального функционирования социалистической экономики» (СОФЭ). При этом, математические методы и математическое планирование, прогнозирование и моделирование были базовой основой создания СОФЭ [4]. Практика, как «критерий истины», убедительно показала полную несостоятельность результатов проведенных исследований, и это при условии, что они предназначались для использования в плановой, а не стихийно-рыночной экономике.

Реалии современного этапа существования государственно-монополистического капитализма показывают, что апологетически заданное максимальное насыщение экономической науки чрезмерными математическими абстракциями используемых прогностических моделей развития экономики и ее отдельных секторов фактически лишились связи с реальными процессами, обнаружили свою ограниченность и неспособность к выяснению, учету и оптимизации национальных, региональных и глобальных интересов. Современный перманентный глобальный кризис, начавшийся в США в декабре 2007 г. в финансовом секторе, убедительно доказал абсолютную несостоятельность широкого применения распространенного на сегодня математически-модельного подхода к экономике, как основы оценки прогностических перспектив ее развития. В частности, это относится и к

определению реальных количественных параметров воспроизведенного цикла, в условиях их аномального и патологического искажения фиктивно-финансовыми и кредитно-спекулятивными отношениями.

Более того, в средствах массовой информации стран государственно-корпоративного капитализма все чаще звучат обвинения современных экономистов, в том, что они оказались несостоятельными дать реальную картину состояния экономики, и продолжают сознательно пропагандировать и навязывать искаженное представление о ней. Это всецело относится и к мировой «научной элите» – лауреатам Нобелевской премии по экономике, получившим ее «за заслуги в математическом моделировании и прогнозировании сценариев рыночных рисков и их влияния на экономическое развитие».

Обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» А. Скотт обратил внимание на то, что в академическом сообществе имеется немало известных экономистов коррумпированных консультационными гонорарами, местами в советах директоров и членством в элитных университетских клубах» [5]. Политолог Ч. Фергюсон, в вузовском журнале утверждает, что «за последние 30 лет профессия экономиста ... настолько скомпрометирована конфликтом интересов, что сейчас выглядит как группа поддержки финансистов и других отраслей, чья прибыль сильно зависит от правительственной политики» [6]. В настоящее время в США публично обсуждается вопрос об ответственности экономистов и экономической науки перед обществом. Профессор университета г. Денвер Дж. Де Мартино выпустил книгу «Клятва экономиста (О необходимости содержания профессиональной этики экономиста)» [7].

Спасительную универсальную возможность для увода от ответственности за практическую несостоятельность и бесполезность для общества результатов теоретических исследований экономической науки предложил А. Маршалл, который усматривал в качестве главной задачи политэкономии наработку «знаний для самой себя – абстрактно-методологических знаний, которые только «проливают свет на практические вопросы». [8, с. 96]. «Творчески развивая» обоснование такого подхода А. Гальчинский утверждает: «Политэкономия не ставит себе целью обоснование прикладных экономических моделей. Принцип «практика – критерий истинности непосредственно ее не касается. Политэкономия – это выход за пределы практики. Наряду с другими науками она формирует креативно-инновационный потенциал практики, детерминирует практику. Отсюда саморефлексивность в развитии политэкономии...». [9, с. 6]

3. Особенности подрыва методологического фундамента политической экономии.

Политическая экономия является теоретико-методологическим фундаментом экономической науки. По мнению В. Тарасевича: «Родившись наукой и избравши себе имя собственное, политическая экономия осталась философией, но уже в новом качестве – философии экономической науки. Поэтому политическая экономия в широком смысле и предусматривает активный диалог с философией...». [10, с. 23]

В то же время, как одна из важнейших составляющих научного обществоведения, политэкономия не обладает достаточным сильным иммунитетом от «инфицирования вирусами» вульгаризации.

Вульгаризация науки имеет достаточно сложную «клинику» и характеризуется такими наиболее характерными «симптомами»: 1) исследователи ограничиваются преимущественно поверхностным описанием внешних проявлений экономических отношений, явлений и процессов, вне рассмотрения их глубинной сущности и влияния на их состояние сложных взаимозависимостей обусловленных причинно-следственными связями общественных отношений; 2) допускается широкое использование неправомερных абстракций при рассмотрении субъектов экономической системы, прежде всего это касается персонифицированных, ассоциированных и институциональных субъектов, а также наличие эклектического смешивания единичных, особых и общих интересов и отрицания существования антагонизмов в социально-классовых отношениях; 3) происходит конъюнктурная подмена непредубежденного исследования сложного и диалектически противоречивого мира социально-экономических отношений, осторожной или беззастенчивой апологетикой, заказной защитой интересов и экономического поведения общественно господствующих и паразитирующих классов и социальных групп; 4) имеет место полный отказ (прямой или косвенный) от анализа движущих общественно-экономических противоречий определенного способа производства, а также механизмов их оптимального согласования, наблюдается стремление обоснования мифа «про абсолютную гармонию социально-классовых интересов и мотиваций» в капиталистической системе, которого в реальной жизни не существует.

Составляя фундаментальную теоретико-методологическую основу всех экономических наук, политическая экономия в настоящее время испытывают всевозрастающее влияние, с одной стороны, прагматизма, а с другой - гуманитарных наук, что расширяет поле междисциплинарного подхода к анализу современного состояния социальной формы движения материи, в том

числе экономических отношения явлений и процессов. Вместе с тем, не может не вызывать обеспокоенности доминирование в экономической науке ряда негативных особенностей методологического характера.

Первая особенность современного процесса познания социальной формы движения материи, а по сути подрыва методологической основы экономической науки, состоит в том, что подавляющая масса политэкономов пытаются заимствовать в той или иной мере научный инструментарий и проводить в экономической сфере аналогии с исследованиями природных форм движения материи, особенно механики и физики. Цель этого заимствования объясняется стремлением к «обогащению методологических возможностей развития экономической науки». В частности это относится к исследованиям связанным с проблемами поиска новой парадигмы политической экономии и всей экономической науки.

А. Гальчинский считает, что: «Соответствующая методологическая конструкция возникновения нового ведет свое начало из физики сложных, диссипативных систем, принципы которой проектируются на процессы общественного развития как универсальные закономерности. Новая парадигма политэкономии имеет, в моем понимании, аккумулировать в себя соответствующие подходы». [9, с. 6] Оценивая проблемы развития физики, этот ученый утверждает: «Только преодолев «железные» каноны ньютоновской механики, А. Эйнштейн смог подняться к вершинам теории относительности. Эта истина относится и к формированию новой парадигмы политэкономических знаний, которая в процессе становления может восприниматься только как политическая метаэкономика, как теория концентрирующая свое внимание на процессах, которые только зарождаются, находятся за пределами видимых трансформаций, институциональных определений. Предложенные читателю теоретические обобщения имеют именно такую определенность». [9, с. 7]

Утверждение, относительно преодоления А. Эйнштейном «железных» канон механики Н. Ньютона, с целью создания новой парадигмы, поднимающей к «вершинам теории относительности», мягко говоря, научно некорректно! И это стоит рассмотреть более детально

Дело в том, что механическая форма движения материи, связанна с изменением взаимного расположения тел (или их частей) в пространстве и времени, под влиянием их массы. Механическое движение, это наиболее «простая» из форм движения материи, о что свидетельствует абсолютная возможность ее математической формализации, включая даже такие наиболее сложные внутренние формы как гидродинамика и аэродинамика.

Содержание трех законов («железных канонов») механики Ньютона следующее.

Первый «закон инерции»: «всякое тело продолжает удерживаться в своем состоянии покоя или прямолинейного и равномерного движения, пока и поскольку оно не принуждается приложенными силами изменить это состояние». *Второй закон:* «изменение количества движения пропорционально приложенной движущей силе и происходит по направлению той прямой, по которой эта сила действует». *Третий «закон взаимодействия»:* «действию всегда есть равное и противоположное противодействие, иначе, взаимодействие двух тел между собой равны и направлены в противоположные стороны».

Более высокая форма физического движения материи хотя и неразрывно связана с механической формой, однако ей не тождественна, поскольку невозможно отнести к механике ни тепловые, ни электромагнитные, ни ядерные процессы.

Спрашивается, какие же «железные каноны» преодолел А. Эйнштейн на пути к «новой парадигме»?

Научные достижения классической механики И. Ньютона (в т.ч. и ее законы) никоим образом не были перечеркнуты (преодолены) процессом дальнейшего развития теоретической физики, чтобы осуществить разработку теоретических основ современной ядерной физики, квантовой термодинамикой, открыть законы движения микромира (элементарных частиц, атомов, атомных ядер, и др.). Основателями этого теоретического направления были три выдающихся физика-теоретика: *Макс К. Э. Л. Планк* – вывел формулу распределения энергии в спектре излучения абсолютно «черного тела», доказал уравнение релятивной динамики, осуществил обобщение положений термодинамики в рамках специальной теории относительности (нобелевский лауреат 1918 г.); *А. Эйнштейн* – создал специальную и общую теорию относительности для движения тел скорость которых близка к скорости света, открыл закон взаимосвязи массы и энергии, заложил основы расчета энергетического баланса ядерных реакций, разработал квантовую теорию света и объяснил явление фотоэффекту, создал квантовую статистику долей с целым спином, развивал теоретические вопросы космологии и единой теории поля (нобелевский лауреат 1921 г.); *Н. Х. Д. Бор* – разработал на основе идей Планка первую квантовую теорию атома, вскрыл атомарные спектры, заложил основы теории деления атомного ядра, предвидел спонтанную делимость урана, (нобелевский лауреат 1922 г.).

Думается, что высказанное мнение А. Гальчинского не будет выглядеть таким уж и абсурдным, если рассмотреть его в контексте реализации одной из важнейшей задачи вульгаризации экономической науки.

Вторая особенность, вытекает из первой. Она продолжает реализацию «фундаментальной» идеи подрыва методологической основы развития политической экономики, а именно, преодоления «железных канонов» диалектики Гегеля, и замены ее на методологию субъективного метафизического идеализма. Это делается с целью обоснования создания «новой парадигмы», поднимающей к «вершинам теории пост модернизма, пост индустриализма и пост капитализма». [11, с. 170-178; 341-350; 378-387]

Этот известный отечественный ученый утверждает: «следует понимать, что речь идет фактически о необходимости имплементации в систему экономического анализа методологических принципов метафизики, которая предусматривает движение не от реальности к идеи, а, наоборот – от идеи к новой реальности. В целом в условиях межсистемных трансформаций анализ трансцендентного, того, что считают «над эмпирическим», находящимся «по ту сторону» не только существующей практики, а и накопленных знаний. Речь идет о виртуальных (иррациональных) явлениях, возможных лишь на уровне мета философских методологических постулатов». [9, с. 7]

В монографии «Экономическая методология, Логика обновления», в разделе «Ренессанс метафизического» А. Гальчинский высказывает такое мнение: «Знаковым в имплементации в экономическую методологию принципов метафизики является ...выход в свет монографического исследования В. Базилевича и В. Ильина «Метафизика экономики». [11, с. 94] . Авторы названного труда отмечают: «В отличие от эмпирической науки, направленной на достижение конкретного результата, метафизику интересует тайна бытия. Не претендуя на ее окончательное познание, она стремится «выявить и коснуться ее». В результате, если эмпирическая наука идет «от действительности к идее», то метафизика – «от идеи к действительности» [12, с. 13] И далее « ...Речь идет о поиске механизмов анализа «потенциальной реальности», «реальности отсутствующего», «объективно существующей реальности внутреннего мира человека». [12, с. 274, 275]

Действительно, только «истинный метафизик» способен уразуметь, что собой в научно-понятийном разумении представляют такие дефиниции, как «потенциальная реальность» и «реальность отсутствующего».

Для любого ученого, не выполняющего апологетическую функцию, не является особым секретом то, что возврат к метафизике в любой форме ее проявления состоит в сознательном установлении препятствия на пути прогрессивного развития науки.

В смысле «антипода диалектики», категория «метафизика», в философии впервые, употребил Гегель, имея в виду также и то, что прежняя метафизика, как правило, была сформирована анти диалектически. В дальнейшем смысл категории «метафизика» утвердился как понимание антидиалектического, формально логического способа мышления, как результат односторонности в познании, когда рассматривают вещи, явления, процессы и отношения как неизменные и независящие друг от друга, отрицаются внутренние противоречия как источник развития природы и общества.

Научная несостоятельность метафизического, формализованного мышления проявляется в *абсолютизации любых сторон и моментов познавательного процесса, доминировании формальной логики и противопоставлении его методу материалистической диалектики и диалектической логики.*

Материалистическая диалектика не только «онтологическое», но и «гносеологическое» учение, Диалектическая логика, рассматривает мышление и познание равным образом в становлении и развитии, поскольку вещи и явления есть то, чем они становятся в процессе развития, и в них, как тенденция, заложено их будущее, то, чем они станут. В этом смысле и *теория познания* рассматривается материалистической диалектикой как обобщенная история познания и каждое понятие, каждая категория, несмотря на свой предельно общий характер, отмечены печатью историчности. «В своем рациональном виде диалектика, – отмечал К. Маркс, – внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает, в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна». [1, с. 22]

Для современных «продвинутых» метафизиков стоит напомнить содержание трех *«железных канонов»* гегелевской диалектики.

1. *Закон перехода количественных изменений в качественные* заключается в том, что на определенном этапе развития объекта, количественные изменения переходят в качественные, а их новое качество, определяет характер, направление, возможности и темпы протекания количественных изменений и формирует силу, дающую импульс к развитию нового качества.

Исследование социально-экономических явлений и процессов начинается с познания их качества, затем – количества, и, оценки их в единства, которое фиксируется категорией «мера». «Меру» Гегель характеризовал как

«сущностное единство количественного и качественного», или как «качественно выраженное количество». Решающей стороной диалектического метода познания в единстве качества и количества является анализ качественной стороны. *Меру также можно рассматривать как определенную количественную границу, до перехода которой, качественное состояние предмета (отношения) не изменяется.*

2. *Закон единства и борьбы противоположностей*, или закон противоречий — важнейший инструмент познания глубинной сущности противоречивого характера социально-экономических явлений и процессов. Особенность категории противоречие состоит в том, что оно скрепляет все парные категории, выражает процесс их взаимного проникновения, взаимного отрицания (борьбы) и взаимного единства.

3. *Закон отрицания отрицания*, синтезирует важнейшие признаки других законов диалектики, охватывает единство поступательности и наследственности, появление нового и относительной повторяемости на качественно новой основе старого и т.д. и вместе с тем обогащает их, что теоретически выражается в новом понятии. Такой процесс отрицания является конструктивным, в отличие от деструктивного, который разрушает определенную систему, означает регрессивный путь ее развития, факторами которого являются, прежде всего, внешние относительно системы факторы.

Специфическими формами закона отрицания отрицания в экономическом исследовании является: 1) отрицание более развитой общественной формы менее развитой (например, отрицание более развитой экономической формы собственности менее развитой); 2) отрицание новыми, прогрессивными организационными формами менее развитых (например, замена одних организационных форм управления предприятиями, компаниями другими - более совершенными); 3) отрицание более совершенными вещественными формами развития продуктивных сил менее совершенных (например, качественное усовершенствование отношений специализации, кооперирования, комбинирования, интеграции производства и т.п.).

Только с позиций диалектики можно понять сложный, полный противоречий путь становления объективной истины, связь на каждой ступени развития науки элементов абсолютного и относительного, устойчивого и изменчивого, переходы от одних форм обобщения к другим, более глубоким.

Важнейшей составляющей частью диалектического материализма является **исторический материализм**. Его возникновение и формирование было коренным переворотом в развитии общественной мысли. Оно позволило, с одной стороны, провести последовательно материалистический взгляд на мир

в целом – не только на природу, но и на общество, а, с другой, – вскрыть материальную основу общественной жизни и законы, определяющие ее развитие, а, следовательно, и развитие всех других сторон общественной жизни, определяемых этой материальной основой.

Основу исторического материализма составляет учение об общественно-экономической формации – историческом типе общества, основанном на определенном *способе производства, и который* выступает как ступень прогрессивного, цивилизационного развития мировой истории человечества от *первобытнообщинного строя через рабовладельческий строй, феодальную и капиталистическую общественно-экономические формации* к социалистической и гипотетически-утопической – «коммунистической формации».

Категория «общественно-экономическая формация» впервые было введено в научную практику марксизмом и составляет краеугольный камень этого социально-экономического учения. Каждая система производственных отношений, возникающая на определенной ступени развития *производительных сил*, подчинена как общим для всех формаций, так и особым, свойственным лишь одной из них закономерностям возникновения, функционирования и перехода в более высокую форму. Действия людей в пределах каждой *общественно-экономической формации* – бесконечно разнообразные, индивидуализированные, казалось бы, не поддающиеся никакому учету и систематизации – были обобщены и сведены к действиям больших масс – классов, реализующих в своей деятельности потребности общественного развития.

Исторический материализм устранил два главных недостатка домарксистских социологических теорий, которые, *во-первых*, были идеалистическими, т. к. ограничивались рассмотрением идейных мотивов человеческой деятельности вне исследования того, чем вызываются эти мотивы, какими материальными причинами они порождаются; *во-вторых*, в основном исследовали лишь роль выдающихся личностей в истории, не уделяя внимания действиям народных масс, ассоциированных групп как истинных творцов истории.

Вскрывая материальную обусловленность общественно-исторического процесса, исторический материализм в противовес вульгарно-материалистическим теориям, отрицающим роль идей, политических и др. учреждений и организаций, подчеркивает их обратное, активное воздействие на породивший их базис и выявляет огромную роль субъективного фактора — действий людей, классов, партий, сознательности и организованности масс.

Исторический материализм не приемлет ни *фатализма*, ни *волютаризма*. Люди сами творят свою историю, но не могут творить ее по собственному волевому произволу (хотя могут в определенные периоды ее существенно исковеркать), ибо каждое новое поколение действует в определенных объективных условиях, созданных до него предыдущими поколениями. Эти причинно следственные условия и действующие на их основе социально-экономические законы при их научном познании открывают разнообразные возможности для деятельности людей. Реализация этих возможностей, а значит, и реальный ход истории зависит от людей, их активности и инициативы, от организованности и сплоченности прогрессивных сил.

Диалектико-материалистическое понимание истории развития человеческой цивилизации дает возможность: *во-первых*, отличить один период истории от другого и вместо рассуждений об «обществе вообще» исследовать исторические события в рамках определенных формаций; *во-вторых*, вскрыть общие и существенные черты разных стран, находящихся на одинаковой ступени развития производства, а значит, использовать в исследовании общенаучный критерий повторяемости, применение которого к общественной науке отрицают субъективисты; *в-третьих*, в противовес эклектическим теориям, рассматривающим общество как механическую совокупность общественных явлений, а исторический процесс, - как результат влияния различных факторов (природных условий или просвещения, развития торговли или рождения гения и пр.), научная категория общественно-экономическая формация позволяет рассмотреть человеческое общество в конкретный период его развития как единый «социальный организм», включающий в себя все общественные отношения, явления и процессы в их неразрывном органическом единстве и взаимодействии на основе действующего способа производства, как единства производительных сил и производственных отношений; *в-четвертых*, позволяет свести стремления и действия отдельных людей к действиям больших масс, классов, социальных групп, слоев, интересы которых определяются: 1) определенным местом в системе общественных отношений, прежде всего в производстве и управлении; 2) отношением к собственности, прежде всего, на средства производств, природные, финансовые и информационные ресурсы; 3) характером присвоения результатов общественного производства, который может быть: а) легитимным или криминальным; б) трудовым или эксплуататорским; в) основанным на самостоятельной деятельности субъекта или связанный с его социальным содержанием как инвалида, либо нетрудоспособного по возрасту.

Производственные (базисные) отношения определяющим образом влияют на характер всех других общественных отношений: политических, идеологических, правовых, нравственно-этических, религиозных и других. Именно понимание функциональной зависимости всех общественных отношений от производственных отношений впервые в истории позволило на научной основе объяснить закономерности исторического развития общества.

4. Идеологическая направленность концепции смены «старой» метапарадигмы политической экономии на «новую».

Одна из важнейших задач науки, в т.ч. и экономической состоит в перманентной, системной и критической инвентаризации собственного теоретико-методологического арсенала и накопленной совокупности знаний на предмет их соответствия современным реалиям диалектики социально-экономического развития человечества. Это задача не единовременного конъюнктурного характера, а достаточно длительный процесс непрерывного осмысления и переосмысления собственных научных (или близких к таковым) представлений экономической науки. При этом чрезвычайно важно выявить и оставить в качестве надежного фундамента те «кирпичики» истинных научных знаний, опираясь на которые возможно прокладывать путь в научно неизвестное пространство познания социальной формы движения материи.

Усилия ученых должны быть направлены на качественное совершенствование научно-методологического инструментария. В частности, это касается переосмысления и конкретизации содержательной четкости действующего понятийно-категориального аппарата. Важно также, с учетом имеющих место масштабных аномалий и патологий, которые накапливаются в социально-экономических отношениях современного глобально взаимосвязанного мира, дать оценку соответствия содержания общепринятой трактовки экономических законов объективным реалиям современной практики.

Роль теории в выборе путей общественного переустройства исключительно велика: именно теория структурирует наше сознание, позволяет упорядочить представления о реальности и об ориентирах ее преобразования. Умелое соотнесение положений теории с конкретной реальностью позволяет трезво оценить существующую обстановку и заложить надежный фундамент для возможности сформулировать достаточно конструктивную концепцию перспективных преобразований. Вместе с тем, теория не может стоять над жизнью или, уйти от нее в сторону, или подменять реальную хозяйственную и политическую и социальную практику. В случае, когда «теория» пытается

перенести в жизнь не имеющие к ней абсолютно никакого отношения утопические абстракции, и «маниловские прожекты», она способна не только деформировать саму объективную реальность, но и оказывает специфическое воздействие на теорию. Как уже отмечалось, способствует появлению идеологических мифов, весьма «полезных» для политиков и в популистском плане привлекательных для широких масс населения.

Как уже отмечалось, общество являет собой одну из наиболее сложных форм объективной материальной реальности. В отличие от природы, общественные отношения и процессы происходят в сознательно созданной среде (мире искусственных и естественных объектов) и наполнены целенаправленной созидательной (а в определенных случаях и разрушительной) деятельностью людей. Их научное познание усложняют быстрые изменения условий и факторов, которые влияют на общественную жизнь. Именно особенности развития общества обусловили особую роль осмысления в новых исторических условиях *научную парадигму обществоведения*. Содержательно эта категория определялась, как «научная теория или модель постановки проблемы, которая принимается как методологический образец решения исследовательских задач в экономической науке, прежде всего, политэкономии.

В течении первого десятилетия после распада СССР среди ученых-экономистов, особенно тех, кто в свое время «успешно развивал» политэкономии «развитого социализма» велась оживленная дискуссия, связанная с изменением «старой» парадигмы на «новую».

Доминанту содержательного наполнения этой дискуссии задал бывший «академик-адепт» политэкономии развитого социализма Л. Абалкин, основная научная заслуга которого состояли в исследовании проблем совершенствования хозяйственного механизма плановой социалистической экономики. Именно он в середине 80-х годов прошлого столетия был «научным прорабом перестройки» на пути реформирования «механизма социалистического хозяйствования», а после краха радикальных реформ социалистической экономики, которые проводились под его непосредственным руководством на посту заместителя Председателя Совета Министров СССР, написал в 1991 году монографию: «Не использованный шанс: Полтора года в правительстве [13]. После этого, Л. Абалкин положил начало дискуссии о концептуальной смене парадигмы, опубликовав в 1993 году в российском журнале «Вопросы экономики» статью «Экономическая теория на пути к новой парадигме». [14].

Проведенный анализ публикаций по данной проблематике показывает, что большинство отечественных и других исследователей постсоциалистического пространства, рассматривали «новую парадигму», с

одной стороны, преимущественно, как некую «панацею», обладающую свойством решения всех проблем углубления теоретического осмысления прошлого, настоящее и будущего состояния развития социально-экономической системы человечества. С другой стороны, они видели в ней надежный способ отмежевания от своего не так далекого социалистического научного прошлого, путем радикальной критики ранее используемой концептуальной диалектической парадигмы исторического материализма.

По мнению Л. Абалкина, для того, чтобы та или иная научная школа, как определенная система идей, представлений и методологических подходов смогла бы претендовать на роль «новой парадигмы», она, должна «дать пояснение эмпирическому материалу, который накопился, и открыть путь к дальнейшему углублению знания» [14, с. 4]. В статье говорилось о необходимости «вырваться из традиционного конфронтационного подхода в мышлении» и «жесткого самоконтроля», а также об отказе от «категоричности оценок и выводов» [14, с.12]. Однако, в практическом плане, Л. Абалкин, полярно сменил акценты теоретической оценки марксистских и немарксистских (старых и новых) концептуальных взглядов на сущность фундаментальных категорий политической экономии.

экономические категории современной развитой рыночной капиталистической системы.

Во-первых, ряд технологических и социальных факторов, по мнению Л. Абалкина, «все больше ставит под сомнение универсальность трудовой теории стоимости в объяснении общественных процессов. Она теряет свою абсолютную значимость и переходит к разряду «частного случая», применимого, короче говоря, только к эпохе господства капиталистической свободной конкуренции» [14, с.13].

Во-вторых, его позиция состояла в том, что нет смысла «до хрипоты спорить о преимуществах общественной или частной собственности», поскольку в ходе исторического развития состоялось принципиальное снятие их противостояния» [14, с. 13].

В-третьих, Л. Абалкин утверждал, что, учитывая указанное изменение в производительных силах и отношениях собственности, «отпадает один из краеугольных камней формационной концепции общественного развития» [14, с.13].

Все это является свидетельством мгновенной методологической мимикрии, когда ведущий ученый, директор Института экономики АН СССР по мановению ока сменил ранее неоспоримую для советских экономистов методологию на не менее тотальную доминанту научной мысли Запада, имеющую название «единого течения».

Один из ключевых тезисов высказанный Л. Абалкиным состоит в следующем: «Очевидно, будет болевой разрыв с диалектикой двойственности, отказ от стремления понять и описать мир исключительно с помощью парных категорий: добро и зло, война и мир, капитализм и социализм. Динамика множественности становится универсальным методом познания многомерного мира, отодвигая традиционные диалектические понятия на роль одного из рабочих инструментов и «частного случая», примененного к решению относительно простых и формализованных задач. Первым шагом в этом направлении может стать освоения довольно глубоких традиций тройственного восприятия мира». [14, с.11]

Никто не сможет оспорить существование рядом с «диалектикой двойственности» довольно «глубоких традиций тройственного восприятия мира».

Это, прежде всего, относится к таким морально-этическим триадам, как: «вера – надежда – любовь»; «честь – совесть – достоинство»; «свобода – равенство – братство».

Существует теологическая триада христианства: «бог отец – бог сын – дух святой».

Можно в качестве примера также вспомнить триаду, действие которой крайне негативно для общества, но очень важная для государственной бюрократии, поскольку облегчает ей жизнь: «бесконтрольность – безответственность – безнаказанность».

Даже преступный мир для своей безбедной жизни на основе присвоения криминальной выручки для обмана граждан в сфере производства использует триаду: «утруска – усушка – угар»; а в сфере торговли: «обмер – обвес – общет».

Конечно, используя «метод вульгарной абстракции», «диалектику двойственности» явлений природы и общества можно поменять местами с «диалектикой множественности», возведя последнюю из ранга «частного случая» в ранг «универсального». Однако, несмотря на предложенные изыски, в объективном мире экономических отношений все пока что остается без перемен: стоимость остается сущностью товара, а цены – денежной формой ее проявления; прибавочная стоимость – содержательной сущностью прибыли, а прибыль – ее внешней формой проявления; капитализм не перестает быть антагонистической способом производства, основанным на эксплуатации и отчуждения труда капиталом и без его кардинальной формационной трансформации не возможен дальнейший прогресс человечества в направлении социально справедливой системы организации общественного производства и полноценной свободной жизни всех людей.

Если первый в мире экспериментальный полет братьев Райт и закончился аварией, это не означало невозможность дальнейшего существования и развития авиации. Если эксперимент построения социалистической общественно-экономической формации потерпел крах в результате того, что делали не те (кто должен), делали не то (что требовалось) и делали не так (как надо), не означает возможности в мировом масштабе отрицания капитализма социализмом, и дальнейшего поступательного развития общества, извлекая уроки из ошибок и просчетов прошлого.

Относительно же того утверждения, что исчезает диалектическая двойственность материально-вещественных парных категорий то эта позиция известного академика, мягко говоря, научно не корректна.

При внимательном взгляде на сущностный смысл «диалектической двойственности» и «диалектической множественности» в природе и обществе, любой идеологически не зашоренный ученый в состоянии заметить, что диалектическая, двойственная противоположность по своей сути есть смысл смысла, или глубочайшая сущность и источник движения как естественных, так и социальных явлений. Наоборот: диалектическая множественность – это всего лишь внешняя форма проявления названных сущностей. Отрицание ведущей роли «диалектической двойственности», это отрицание диалектического закона единства и борьбы противоположностей, отрицание противоречия, как источника развития.

Все научные категории имеют содержание лишь в соответствии со своим антиподом: анализ – синтез; абстрактное – конкретное; стойкость – переменность; закон – хаос; организация – дезорганизация; материальное – идеальное; объективное – субъективное; прогресс – регресс; сущность – явление; содержание – форма; количество – качество; структура – элементы; электрон – позитрон; нейтрино – антинейтрино; вещество – антивещество; самостоятельность – зависимость; тяготение – отталкивание; ассоциация – рассеяние; ассимиляция – диссимиляция; самосохранение – самообновление; плюс – минус; жизнь – смерть; здоровье – болезнь; белое – черное; натуральное хозяйство – рыночное хозяйство и тысячи других парных понятий.

Даже в отношениях собственности, системно определяемых как «капитал», существуют такие его внутренние парные категории как: «постоянный – переменный»; «основной – оборотный»; «реальный – фиктивный» и другие.

В повседневном сознании также существуют парные понятия, такие как: добро – зло; щедрость – скряжничество; правда – вранье; счастье – несчастье; любовь – ненависть; богатство – бедность; ум – глупость; моральность – аморальность и множество других.

Диалектические противоречия природы, общества и сознания являются естественными и вечными спутниками человечества. Непротиворечивых процессов и явлений в природе и общественной жизни просто не существует. *Противоречие, это:* 1) динамичное взаимодействие единых и взаимно исключающих противоположностей, единство и борьба которых является источником самодвижения системы, предмета (отношения); 2) одновременное проявление в том же самом процессе и в одном том же отношении, взаимоисключающих тенденций и свойств; 3) взаимодействие, стороны которого органически связаны, и обязательно представляют разные тенденции, разные направления изменения и развития.

Основные особенности экономических противоречий состоят в следующем: 1) в экономическом противоречии представлены два аспекта трудовой деятельности людей: социально-экономического и производственно-экономического; 2) единство и борьба противоположных тенденций в экономической деятельности людей обеспечивает историческую наследственность в саморазвитии производственных отношений, продуктивных сил и способа производства в целом; 3) экономические противоречия выражают взаимозависимость, взаимное отрицание и взаимопроникновение конкретных целевых мотиваций людей и их ассоциаций в процессе общественного воспроизводства; 4) способ бытия экономических потребностей, интересов, мотиваций, целей, как движущей силы формирования поведения классов, социальных групп, трудовых ассоциаций, семей и отдельных лиц заключается в их активном, диалектическом, естественно-противоречивом взаимодействии.

Только противоречия и их разрешение могут быть причиной рождения новых форм, методов, тенденций экономической деятельности и, соответственно, новых экономических отношений между людьми, их ассоциаций и общества в целом.

Если не усматривать определяющего влияния доминанты идеологического заказа представителям экономической науки, та фактически невозможно понять, каким образом, увешанным всевозможными научными (и не только) регалиями экономистам теоретикам и историкам экономической мысли до сих пор еще удается ограничивать свое понимание действительности одномерным взглядом не только на товарно-денежные категории, но и на исторические макро ступени развития человечества. В то время, как одни ученые придерживаются лишь уровня глубинных, исторически трансцендентных формационных факторов истории человечества (производительных сил, средств производства, разделения труда, типов собственности, способов соединения рабочей силы со средствами производства, социальными формами жизни людей), другие (и они составляют

в современной экономической науке агрессивное большинство) принимают во внимание только поверхностные, локальные, исторически автономные (замкнутые и самодовлеющие) «культуры» средств производства, экономических укладов и укладов жизни, социального и духовного развития человеческих сообществ, форм искусства, морали, религии и прочее.

За два столетия противостояния «домарксистских», «марксистских» и «немарксистских», формационных и цивилизационных подходов к системной структуризации различных этапов исторического развития человечества уже назрело вполне реалистическое и теоретически положительное решения этой «дилеммы». Оно коренится в признании политэкономами не только различия содержания сущности и форм проявления в экономической истории этапов развития человечества, но и диалектического единства их качественных сторон.

Решение названной «дилеммы» также состоит в признании научной ценности теоретических исследований как на уровне качественной сущности исторических этапов развития человечества, так и на уровне всего существующего разнообразия форм их проявления. И с этой, точки зрения: 1) определение формационной концепции как уровня сущности в периодизации истории человечества – это все тот же самый диалектико-материалистический подход в политической экономии, который закономерно привел к выявлению сущностной, трудовой природы стоимости, прибыли, ссудного процента и земельной ренты; 2) определение цивилизационных теорий как уровня формы проявления такой сущности (это тот самый субъективно-психологический подход), который породил маржиналистский инструментарий практического (и на определенном этапе достаточно эффективного) регулирования современной развитой капиталистической экономики.

5. Диалектико-материалистическое направление развития политической экономии

Критическая оценка идеологической направленности реализации концепции смены «старой» мета парадигмы политической экономии на «новую», отнюдь не перечеркивает определенных позитивных моментов, связанных с реальным развитием методологии политической экономии. В качестве положительного примера можно позитивно оценить научную позицию В. Тарасевича, который обосновал дифференцированный и системно структурированный спектр «парадигм» разных исторических этапов и уровней теоретического осмысления экономической действительности. [15, с.46] Он также внес существенный вклад в диалектическое понимание тенденций эволюции научных парадигм. По мнению этого политэконома: «Наиболее

важным условием эволюции парадигмы является переменное, но стабильное соответствие между ее составляющими, которые сохраняют начальную качественную определенность. Пребывая на траектории восхождения парадигма постепенно приобретает зрелость и завершенность, стает в дальнейшем более развитой и наполненной соответствием между ее составляющими...Под влиянием активной познавательной и критической деятельности субъекта быстрыми темпами эволюционирует содержательное ядро парадигмы... Вместе с тем могут отсеиваться составляющие, которые не отвечают предметному простору. Рано или поздно наступает момент насыщения парадигмы, приобретения ею определенной целостности. Она достигает высшей точки эволюции, за которой возможен ее закат. Как правило, он связан с утратой исторических приоритетов отражения ею реальных процессов и протекает тем быстрее, чем меньше она является критичной и самокритичной.... Неадекватная институционализация и идеологизация доминирующей парадигмы способна резко затормозить, или даже остановить ее эволюцию, в частности до приобретения ею зрелых форм, препятствовать возникновению легальных альтернатив. В этих условиях любая из парадигм не застрахована от рецидивов светской религии. Понятно, что новые идеи все же развиваются - или за границами официоза, или приобретая необходимые им формы. Однако темпы их накопления, адекватны потребностям прогресса, их роль в обществе может резко возрасти только в результате коренных институциональных изменений». [13, с. 27, 28].

Обобщая можно утверждать, что в настоящее время экономической наукой используются, преимущественно, три доминирующие *мета парадигмы*.

Первая, «формационная», основана на диалектических началах исторического материализма. Эта научная модель определяет качественный уровень исторически поступательного цивилизационного развития социума состоянием триединой системы элементов общественно-экономической формации: экономического базиса, производительных сил и социальной надстройки. При этом анализ социально-экономических и др. отношений проводится с позиций социально-классового подхода на основе рассмотрения антагонистического характера сущности исторически сменяемых, досоциалистических типов цивилизации, а также их потенциальных возможностей в развитии производительных сил и человеческой личности.

Вторая, «цивилизационная», основана на диалектическом подходе к развитию одного из компонентов триады системных составляющих общественно-экономической формации, а именно, продуктивных сил общества. При этом, уровень «цивилизации» общества, определяется на основе выделения трех стадий его развития, К ним относится «до индустриальная»,

«индустриальная» и «пост индустриальная» стадии. По сути, эта концепция широкое и емкое понятие «цивилизация» сводит исключительно до уровня исторического развития материально-технической составляющей производительных сил, а именно к средствам производства, достижениям их технико-технологического совершенства.

Третья, «субъективистская», основана на позитивистских подходах «научного рационализма» и доминировании принципа «методологического индивидуализма». При этом сама цивилизация и уровень ее развития воспринимается как общественное явление, которое по своей сути составляет сконструированную человеком реальность, которая отображает непосредственное развитие самого человека, детерминируется, прежде всего, этим развитием. Базовым постулатом этой парадигмы является «свобода личности, т.е. абсолютный суверенитет ее взглядов и склонностей».

Простое сопоставление существующих парадигм в контексте сравнения их содержательного наполнения с позиций методологии понимания взаимодействия и взаимозависимости общего, особого и единичного в системном исследовании неоспоримо доказывают доминантный, всеобщий характер первой как наиболее универсально-общественной и которая системно включает вторую (на правах особой) и третью (как проявление единичного, частного).

Открытие, на основе высшего проявления научно-абстрактного мышления, триады системной совокупности отношений, явлений и процессов жизни социума и их отражение в конгломератной и всеобъемлющей социально-экономической категории «общественно-экономическая формация», является высочайшим достижением человеческого гения. Общественно-экономическая формация, диалектически неразрывно соединяет в себе: 1) экономический базис общества; 2) производительные силы; 3) социальную надстройку (в том числе политическую и экономическую).

Важнейшее значение имеет бинарное взаимодействие экономического базиса и производительных сил общества. Именно в их взаимодействии проявляется двойственное качественное содержание общественного способа производства.

Во-первых, способы производства отличаются не тем, что производится, а тем как именно производится материальные и нематериальные блага, на основе использования каких материально-вещественных факторов производства и технологий (индустриальных, ядерных, космических, микробиологических, нано и т.д.).

Во-вторых, какой характер носит процесс соединения личного и вещественного фактора производства, трудового потенциала (рабочей,

трудова сила) и средств материального и нематериального производства, включая весь спектр услуг. История развития человечества показывает, что этот характер может быть либо добровольным, либо принудительным. И если в условиях рабовладельческого способа производства характер принуждения по отношению к рабу был исключительно насильственным, в условиях феодального способа производства насилие соединялось с экономическим принуждением к труду крепостного крестьянина, то в условиях капитализма принуждение работников наемного труда носит исключительно экономический характер.

Как уже отмечалось, в обществе между людьми и их ассоциациями возникают социальные отношения, которые имеют противоречивый характер. От механизма их согласования зависит, какой характер они принимают: не антагонистический или антагонистический; эквивалентный или не эквивалентный; социально справедливый или несправедливый. И от того, как общество и государство способны разрешать эти социально-экономические противоречия в полной мере зависит и экономическое развитие и социальная стабильность общества.

Относительно самых отношений то, все они тесно переплетены и в реальной жизни, их взаимодействие практически невозможно размежевать, или искусственно отделить одно от другого. Они действуют в неразрывной связи и тесной причинно-следственной зависимости. В то же время историко-материалистическая наука абстрактно разграничивает эти отношения (прежде всего на «базисные» и «надстроечные»), относя те или другие к своему предмету, т.е. к определенному очерченному полю своего исследования. При этом в целом исторический процесс развития представляет собой тесное переплетение экономических, политических, идеологических, правовых, социальных, морально-этических, религиозно-атеистических и др. факторов и отношений, взятых в системном взаимодействии и взаимозависимости, лишь, в конечном итоге, определяемом экономическими условиями.

Нет необходимости доказывать, что во всех общественно-экономических формациях система производственно-экономических, базисных отношений испытывает на себе влияние со стороны других общественных отношений и форм социальной жизни. Очевидно, что, предмет экономической науки (прежде всего политической экономии) не может быть очерченный полем научного исследования лишь исключительно *производственно-базисных отношений*, которые включают:

- 1) экономические отношения собственности;
- 2) экономико-воспроизводственные отношения;
- 3) хозяйственно-экономические отношения;
- 4) товарно-денежные отношения;
- 5) распределительно-экономические

отношения; 6) отношения обмена жизненных благ; 7) финансово-кредитные отношения; 8) отношения перераспределения, социальных компенсаций и гарантий; 9) отношения конечного потребления и удовлетворение воспроизводственных потребностей человека и др.

Политэкономическое исследование должно основываться на рассмотрении внутрисистемного взаимодействия трех составляющих конгломератов общественно-экономической формации, а именно: базисно-надстроечного; продуктивно-экономического; продуктивно-надстроечного. Эти внутрисистемные блоки содержат «бинарные» отношения, в которых влияние каждой составляющей является приблизительно равнодействующей. Внутри формационные блоки представлены такими бинарными отношениями:

во-первых, базисно-надстроечные отношения, которые включают:

1) политико-экономические отношения; 2) экономико-идеологические отношения; 3) экономико-культурные отношения; 4) морально-экономические отношения; 5) экономико-правовые отношения; 6) экономико-этнические отношения; 7) экономико-религиозные отношения; 8) экономико-атеистические отношения; 9) семейно-экономические отношения и др.; Их также можно объединить как систему отношений экономической надстройки или в блок отношений, которые в настоящее время находятся в «ведении» институционалистов.

во-вторых, продуктивно-экономические отношения, которые включают:

1) ресурсно-экономические отношения; 2) организационно-экономические отношения; 3) технико-экономические отношения; 4) технолого-экономические отношения; 5) экономико-экологические отношения; 6) экономико-информационные отношения и др.

в-третьих, продуктивно-надстроечные отношения, которые включают:

1) политико-технологические отношения; 2) технолого-идеологические отношения; 3) организационно-правовые отношения; 4) информационно-политические отношения; 5) информационно-правовые отношения; 6) эколого-правовые отношения; 7) эколого-политические отношения; 6) нравственно-экологические отношения; 6) ресурсно-политические отношения; 7) ресурсно-идеологические отношения; 8) ресурсно-правовые отношения; и др.

Сложность системно-структурного и причинно-следственного взаимодействия общественных отношений, значительно возрастает с учетом их внутри уровневого структурирования и противоречивого характер в достижении консенсус интересов частного (единичного, персонифицированного), особого (группового, ассоциированного, классового) и общего (общественного). Если индивидуальные интересы и межличностные отношения определенной мерой исследуются экономической наукой, а в

«субъективистской» парадигме даже абсолютизируются, то интересы и мотивации на уровне «групповых» интересов остаются вне поля зрения современных политэкономов. Прежде всего, это относится к оценки масштабов и последствий их влияния, особенно деструктивно-разрушительного, на реализацию интересов общества (в т.ч. государства) в условиях «масштабных общественных трансформаций».

Системе современного государственно-корпоративного капитализма, которая эволюционно сформировалась не собственной базисной основе в процессе более трехсотлетнего развития имманентно присущи собственные особые антагонизмы и аномалии. И, несмотря на «саморефлексивность в развитии политэкономии» [9, с. 6], в последние десятилетия все больше публикуется результатов фундаментальных научных исследований, в которых морально добросовестные ученые Запада делают попытку дать политэкономическую оценку реального состояния дел, имеющего место в странах развитого государственно-корпоративного капитализма (в частности США).

Для примера достаточно обратить внимание на содержательный смысл названий отдельных параграфов монографии Майкла Паренти «Демократия для избранных»:

«Богатство и бедность в Соединенных Штатах Америки»; «Капитал и труд»; «Накопление и экспансия»; «Нужда и лишения трудящихся в Америке»; «Человеческая цена экономической несправедливости»; «Культура плутократии - учреждения и идеология»; «Правление корпоративной плутократии»; «Рост корпоративного государства»; «Закон на службе бизнеса»; «Благодеяние для богатых»; «Налоги – помощь богатым»; «Экономический империализм»; «Бедные получают все меньше и меньше»; «Правительство для грабителей»; «Трудящиеся в осаде»; «Профсоюзы и цели их борьбы»; «Глобализация. Всемирная торговая организация и конец демократии»; «Идеологическая монополия»; «Политэкономия бюрократии»; «Государственная власть в частных руках».

В целом эта научная работа, которая с момента опубликования выдержала семь изданий, посвящена вопросам объяснения причин, почему реальная демократия не совместна с современным капитализмом. Здесь автор, значительное внимание уделяет выяснению угроз общественной стабильности, которые возникают вследствие постоянного нарушения как базовых прав и свобод большинства населения, так и подрыва основы рыночной эквивалентности во взаимоотношениях труда и капитала, усиления новейших проявлений эксплуатации и отчуждения результатов высококвалифицированного труда [16, с. 5-8].

К аналогичным работам можно отнести также и научные труды таких современных авторов как Эрнандо де Сото, Луиджи Зингалеса и Рагхурама Раджана [17, 18] и др.

В Украине же (как и в других республиках бывшего СССР ставших независимыми государствами), в результате «рыночных трансформаций», а по сути реставрации системы капиталистических производственно-экономических и социально-политических отношений, сформировался уникальный феномен, не имеющий исторических аналогов, а именно, симбиоз «кланово-мафиозного» и «корпоративно-кланового капитализм». Этот феномен требует глубокого политэкономического исследования. [19, с. 34-44] Его негативные, аномальные и патологические стороны усиливаются теми гипертрофированными отношениями, которые были унаследованы от «развитого социалистического общества», где господствовал класс «номенклатурно-партийной бюрократии».

В «геном» нового, отреставрированного на основе капиталистических производственных отношений, общества также были включены наиболее пагубные проявления отношений, которые были имманентно присущи номенклатурной бюрократии. К ним можно отнести отношения «протекционизма», «родства», «кумовства», «блата», «землячества» и прочие. Будучи включенными в новую систему общественных отношений, эти, анти социальные отношения, не только разрушают принцип «равенства возможностей для всех членов социума», но и подрывают основы социальной мобильности, уничтожая так называемые «социальные лифты».

Учитывая сказанное, вполне логически возникает вопрос - как в таких, мягко говоря, неблагоприятных условиях может сформироваться: «Свободная индивидуальность, основывающаяся на универсальном развитии индивидов, – это в нашем понимании и есть теоретическая матрица, на основе которой реализуется системная специфика разворачивающейся пост капиталистической эпохи». [4, с. 9].

Приведенная цитата А. Гальчинского, лично мне очень напоминает лозунг о формировании «всесторонне и гармонично развитой личности», в обществе где все делается «во имя человека и для блага человека». Но ведь все это уже исторически пыталось быть реализованным в СССР, когда осуществлялась задача выполнения «программы построения коммунистического» (или, что есть по сути тем же самым, «пост капиталистического») общества. Эту программу провозгласила КПСС, «партия трудящихся», а по сути, структурная организация «номенклатурной бюрократии», которая была стерта с политической арены. А то чем закончилось, попытка социалистического строительства после победы, так

называемой пролетарской революции в октябре 1917 г., теперь ни для кого не является секретом.

Спрашивается, каким же образом новая «субъективистская» парадигма политической экономии, по мнению А. Гальчинского, способна к практической реализации в отечественных условиях, т.е. после проведения вышеназванных трансформаций. Спрашивается, каким образом в недрах этого, аномально воссозданной общественно-экономической системы может возникнуть «пост капиталистическое» общество, в условиях которого будет доминировать «вектор растущей индивидуализации» и где будут так «свободно дышать», т.е. «универсально развиваться индивиды»?

Лично для меня субъективная основа этой авторской позиции не является загадкой, поскольку в данном случае речь идет всего лишь о примере социальной демагогии и заказного идеологического мифотворчества в политэкономической науке.

Необходимо осознать, для того, чтобы общество не перешло опасную «меру», т.е. не достигло критической «точки кипения», «революционной ситуации», не распалось, не погрязло в хаосе войн и «гражданского беспредела», а продолжало эффективно функционировать, как целостная ассоциация людей, перед политической экономией стоит ряд сложных проблем требующих своего объяснения и практически-прикладного решения.

Политэкономия должна не гипотетически, а реально отместить все проявления вульгарного апологетического, идеологически заданного мифотворчества и начать разработку действенных социально-экономических механизмов предупреждения и недопущение революционной, разрушительной, антагонистической дезинтеграции общества. При этом она должна опираться не только лишь на собственные знания и новые открытия, а, учитывая универсальный характер науки, вести постоянное сотрудничество с другими общественными науками. Это тем более важно, поскольку сегодня в мировых и отечественных масштабах, спокойное поступательное развитие общества разрушает сложная система противоречий и конфликтов, которая обострилась, прежде всего, в таких сферах как: 1) социально-экономические и социально-классовые отношения; 2) межэтнические и межнациональные отношения; 3) межрелигиозные и межконфессиональные отношения; 4) нравственно-этические и аморально-патологические отношения.

Основой выполнения политэкономией, важнейшего социального заказа по обеспечению научно-фундаментального сопровождения поступательного экономического развития и социальной стабильности общества должна стать ее стратегическая нацеленность на неразрывную связь теории и практики,

которая, как это не странно звучит для «неометафизиков», по прежнему остается «критерием истины».

Политэкономии необходимо перестать «выдавать рецепты», аналогичные мечтаниям «социалистов-утопистов». Следует также отказаться от навязывания обществу наукообразных концепций «экономической маниловщины», предлагающих для строительства «прекрасного далеко», или «пост капиталистического будущего», прожекты по принципу «потенциальной реальности» и «реальности отсутствующего». В то же время, необходимо всесторонне и объективно исследовать опыт провала построения на земле «самого справедливого общества трудящихся», чтобы вновь не пришлось реставрировать «пост капиталистическое» общество в капиталистическое.

Реальной основой в определении первоочередных задач для политэкономов должен стать поиск новых форм и механизмов достижения общественного консенсуса на началах оптимального согласования, прежде всего, социально-классовых интересов, а также создания реального механизма «укрощения» агрессивно-разрушительных кланово-мафиозных и кланово-корпоративных интересов реальных «хозяев жизни». Это особенно важно, поскольку наиболее разрушительное влияние на реализацию общественных интересов имеют специфические «особые интересы». Это интересы, реализуются многочисленными преступными группами. Они действуют в таких организационных формах, как шайки, банды, мафиозные кланы, корпорации коррупционеров и казнокрадов и др.

Негативное влияние преступного группового интереса особенно возрастает в случае его сращивания, или проникновения в органы государственной власти (в т.ч. силовые и правоохранительные структуры), а также в общественные и политические организации. Это направление исследований является для политической экономии очень актуальными. Ведь в число задач, решаемых политэкономической наукой входит не только те, что направлены на содействие активизации стимуляторов общественного развития, но также и выявление, оценка природы, степени социально-экономической опасности широкой палитры социально-экономических дестимуляторов, а также разработка эффективных механизмов их социально-экономической «аннигиляции».

Именно политической экономии следует разобраться, почему переход к «свободным рыночным отношениям», которые («как мирный атом» после Чернобыля, вошли в каждый дом и каждую семью), превратили значительную часть общества в тотально «продажную ассоциацию», когда на торги идет все: «должности», «почести», «награды», «честь», «совесть», «кровь»,

«человеческое тело и его органы», «жизнь», «государственные тайны» «интересы государства и общества» и др.

В своих исследованиях политической экономии необходимо вернуться к рассмотрению изменений происшедших в современных условиях в социально-классовой структуре общества. Это следует сделать с учетом качественных особенностей современного изменения системы мотиваций и интересов, а также новых межклассовых и внутри классовых (между внутриклассовыми стратами) противоречий (например, между олигархами и представителями других внутренних страт собственников капитала). Сказанное касается не только взаимодействия между такими традиционными классами как «класс собственников капитала» и «класс представителей наемного труда». В системе классово-экономических отношений важно также выяснить особенности системной реализации интересов таких общественных классов, как: «класс работающих (самозанятых) собственников»; «класс высшей государственной бюрократии»; «класс легитимных социальных иждивенцев»; «класс профессиональных экономических игроков» и др.

Отдельного научного изучения заслуживает так называемый «андеркласс», особая социальная группа населения, которая ведет антиобщественный образа жизни, существует на криминальные источники присвоения жизненных благ. Сюда можно отнести коррупционеров и казнокрадов, а также лиц, использующих чужую (в том числе государственную) собственность с целью личной наживы и обогащения

Необходимо, заняться исследованием завершающей фазы системы общественного воспроизводства - конечным потреблением, качеством жизни. Здесь вопиющим проявлением социально-экономического неравенства является масштабная поляризация населения по уровню как имущественного ценза. так и величине доходов расходуемых на конечное потребление. Представляет значительную опасность, относительно сохранения политической стабильности в обществе, ничем не оправданное, аномальное социально-экономическое расслоение населения на бедных (нищих) и богатых (роскошествующих). При этом, следует также сделать акцент на доведение до общества того, что как сверхнизкое (недопотребление), так и сверхвысокое потребление (т.е. роскошь) влияют на человеческую личность так же отрицательно, как и бедность (нищета), разрушают ее моральные качества, искажают жизненные ориентиры, фетишизируют стремление к «престижному», «эталонному», «неразумному», «расточительному», «безмерному» потреблению.

Необходимо, наконец, разобраться и с той негативной ролью, которую играет «фиктивный» капитал в провоцировании перманентных мировых финансовых кризисов. Также, следует обратить внимание на такие феномены

его функционального порождения как «фиктивная прибыль», «фиктивный доход», «фиктивный валовой внутренний продукт», «мультипликатор кредитно-долгового трансферта» и пр.

Можно назвать еще не один десяток важнейших направлений исследований, которые ждут профессиональных и морально честных политэкономов и, в которых действительно нуждается общественная жизнь, как «конечный критерий оценки» научно добытой истины. Однако эти проблемы являются тематикой отдельного разговора.

* * *

(*) Экономическая истина – не зависящее от воли и желаний исследователя, адекватное отображение и воспроизведение совокупности экономических отношений, явлений и процессов, определенной экономической системы в целом в объективных по смыслу теориях (что включают их основные элементы: учение, идеи, законы, категории, понятие, отдельные определения, выводы, хозяйственные предложения, результаты экспериментов и т.п.).

(**) 2. Экономическая идеология – составная часть общественной идеологии, содержание которой состоит в систематизированном выражении совокупности взглядов и идейных установок, которые существуют в обществе на организацию экономической жизни и характер реализации социально-экономической справедливости в производстве, распределении и конечном потреблении жизненных благ между общественными слоями и классами. Ядром экономической идеологии является господствующая совокупностью идей и взглядов доминирующего общественного сообщества, прежде всего господствующего общественного класса, которые объективно отражают его экономические побудительные мотивы (интересы) и оценивает роль и место, которое он занимает в экономике, а также жизни государства и общества в целом.

Список использованной литературы

1. К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. - М. Политиздат, 1978.
2. Долан Э., Линдсей Д. Микроэкономика. - Спб., 1994.
3. Мандыбура В. Идеологическая и объективная составляющая экономической «теории человеческого капитала» // Экономическая теория. - № 1. - 2009.
4. Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики. Под ред .Н Федоренко, Ю. Овсиенко, Н. Петракова. – М.: Наука, 1983.
5. Chronicle of Higher Education. October 3. 2010.
6. New York Times. October 7. 2010.

7. G.F. De Martino. The Economist's Oath (On the Need and Content of Professional Economic Ethics. - N.Y.: Oxford University Press. 2010.
8. Маршалл А. Принципы политической экономии: В 3-х т. – Т. 1. – М., 1983.
9. Гальчинський С. Начала новой парадигмы политической экономии, постановка проблемы // Экономическая теория. - № 2. - 2012.
10. Тарасевич В.. Политическая экономия: имя собственное, широкий смысл и предметный простор // Экономическая теория. – 2012. - № 1.
11. Гальчинський А. Економічна методологія. Логіка оновлення: Курс лекцій – К. 2010.
12. Базилевич В., Ільїн В. Метафізика економіки. - К., 2007.
13. Абалкин Л. Не использованный шанс: Полтора года в правительстве. – М : Политиздат, 1991.
14. Абалкин Л. «Экономическая теория на пути к новой парадигме» // Вопросы экономики. - № 1. - 1993;
15. Тарасевич В. Еволюція економічної теорії та сучасне парадигмальне зрушення. «Економіка України» - № 12. - 1996.
16. Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США // Пер. с 7-го англ. изд. В. Горбатко. - М.: «Поколение», 2006.
18. Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Пер. с англ. - М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.
19. Зингалес Л., Раджан Р. Спасение капитализма от капиталистов: Скрытые силы финансовых рынков - создание богатства и расширение возможностей / Пер. с англ. - М.: Институт комплексных стратегических исследований; ТЕИС, 2004.
19. Мандибура В. «Тіньова» економіка України та напрями законодавчої стратегії її обмеження. – К.: Парламентське в-во, 1998.